

Обозрѣніе событій,

относящихся къ исторіи Вологодской губерніи (до XVI вѣка).

До XII вѣка на пространствѣ нынѣшней Вологодской губерніи русскихъ было очень мало. Она издревле была заселена различными угрофинскими племенами, остатки которыхъ представляютъ нынѣ въ пашей губерніи зыряне. Пока русскіе неразличали отдѣльных финскихъ племенъ, то называли ихъ общимъ именемъ Чудь и только по мѣрѣ большаго ознакомленія съ ними стали употреблять особые племенные названія, оставляя имя Чудь для болѣе отдаленныхъ краевъ. Начальная русская лѣтопись въ IX, X и XI вѣкахъ различаетъ Чудское племя Весь на Бѣлоозерѣ и къ востоку и юго — востоку отъ него племя Мерю. Опредѣляя границы мѣстожителства этихъ двухъ племенъ, по названіямъ различныхъ урочищъ и селеній, напоминающихъ своимъ созвучіемъ Весь или Мерю, финнологи находятъ, что поселенія Мери и Веси захватывали и южную полосу Вологодской губерніи до рѣкъ Сухоны и Юга Вологодскій уѣздъ былъ мѣстомъ сліянія этихъ двухъ племенъ. Селенія Веси простирались въ Вологодскомъ уѣздѣ до впаденія Вологды въ Сухону, а селенія Мери заходили въ область племени Веси до южной оконечности Кубенскаго озера и, можетъ быть, до рѣки Шексны. Къ

сѣверу отъ Кубенскаго озера и Сухоны предполагають мѣстожителство третьяго чудскаго племени — Ели. За Двиной и Югомъ начинались селенія племени Пермскаго; имя Перми долго употреблялось русскими для обозначенія зырянъ, вогуловъ и остяковъ.

Такое распредѣленіе угро-финнскихъ племенъ по Вологодской губерніи при началѣ знакомства русскихъ съ этимъ краемъ было уже слѣдствіемъ передвиженія финновъ съ запада на востокъ, когда русскіе отъ верховьевъ Днѣпра и Волги стали ихъ тѣснить. Что это такъ, видно по различнымъ признакамъ; про вогуловъ извѣстно, что они обитали въ XV вѣкѣ еще по сю сторону Уральскихъ горъ; также вогульско-остяцкимъ языкомъ только и могутъ быть объясняемы названія Вологды, Вычегды и другія. (*) Слѣдовательно эти названія даны были рѣкамъ и урочищамъ гораздо ранѣе, чѣмъ остяки поселились въ Сибири. Финнологъ Европеусъ утверждаетъ, что вся западная часть Вологодской губерніи и небольшая часть ея за Сѣвренюю Двиною образуютъ ту страну на сѣверѣ Россіи, въ которой встрѣчается наибольшее число остяцкихъ наименованій мѣстностей и при томъ почти безъ примѣси названій изъ другихъ инородческихъ языковъ, а въ окрестностяхъ рѣки Юга встрѣчается не обыкновенное множество названій мѣстностей чисто угорскаго (древне — венгерскаго) происхожденія, которыя явно свидѣлствуютъ о бывшемъ тамъ нѣкогда очень многочисленномъ угорскомъ (или югорскомъ) населеніи; отъ этой рѣки Юга Европеусъ выводитъ выводитъ Венгровъ а жилища Зырянъ, по его предположенію, простирались на западъ до Бѣлоозера, прежде чѣмъ тутъ поселилась Весь. **)

Трудно сказать что нибудь о степени матеріальной культуры этихъ племенъ, такъ какъ правильнаго изслѣдованія кургановъ, въ

*) Любители курьезовъ, конечно, вспомнятъ старинное производство названья Вологды отъ вологи (влаги) или отъ баснословныхъ Вологовъ, также какъ названье рѣки Печеры отъ пещеръ.

**) См. Ж. М. Н. П. 1868 г., кн. 7, также соч. Шегрена и др. Европеусъ въ своихъ статьяхъ объясняетъ нѣкоторыя названія мѣстностей Сѣвренной Россіи изъ остяцкаго языка (напр. Вычегда, Печенга, Вологда).

которыхъ могли бы быть найдены различныя вещи житейскаго обихода, подобныя найденнымъ Гр. Уваровымъ въ Мерянскихъ курганахъ Московской губерніи, не было здѣсь до сихъ поръ произвѣдимо. Дѣло это требуетъ большихъ средствъ, искусства и знаній въ области финской и славянской археологіи. О вліяніи же финскихъ вѣрованій на возникновеніе русскихъ суевѣрій и предразсудковъ нѣтъ опредѣленныхъ выводовъ.

Смѣшеніе угро—финскихъ племенъ съ русскимъ населеніемъ, конечно, отразилось на внѣшнемъ обликѣ русскихъ и въ русскомъ говорѣ, но вопросъ о степени вліянія финской фонетики на русскіе областные говоры и о физическихъ типахъ жителей еще едва затронуты. И вообще всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія о размѣщеніи финскихъ племенъ требуютъ новой провѣрки данными антропологическими, этнографическими и филологическими.

Первое извѣстіе, которое приурочиваютъ къ Вологодской губерніи, только въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ встрѣчается подъ 1032 годомъ. Вотъ оно: „1032 года. Улѣбъ (или Улебъ) иде на Желѣзныя Врата изъ Новгорода и вспять мало ихъ возвратишася, но мнози тамо погибоша.“ Нынѣ почти всѣми учеными принято предложенное Шегреномъ объясненіе, что подъ Желѣзными вратами надо понимать мѣстность къ югу отъ Устьсысольска въ 80 верстахъ на р. Сысолѣ, близъ Богородской Вотчинской церкви. Жители этого края, при посѣщеніи его Шегреномъ въ 1827 году, называли этотъ пунктъ именно Желѣзными воротами, не зная причины такого названія. Шегренъ описалъ его такъ: «между полями значительный холмъ представлялъ неправильный четырехугольникъ, длиннѣйшая сторона котораго (почти 46 сажень) на сѣверъ вогнута; вся окружность равна почти 104 саженьмъ; на югъ крутой обрывъ къ долинѣ, къ западу тоже въ Сысолу; на дорогѣ туда отъ церкви ключъ, по близости котораго въ долину находили прежде разныя воинскія принадлежности.» Наводя справки въ собранныхъ документахъ Шегренъ встрѣтилъ отъ начала XVII вѣка разныя извѣстія объ этой мѣстности, показывающія, что она имѣла прежде большое значеніе въ краю.

Относительно личности Улеба также принято мнѣніе Шегрена, *) что Улебъ есть Ульфъ, сынъ вельможи Рагнвальда, который пріѣхалъ въ Русь со своею родственницею, невѣстою князя Ярослава Мудраго, Ингегердою и былъ у Ярослава въ Новгородѣ важнымъ лицомъ, въ родѣ маркграфовъ у Германскихъ императоровъ. О цѣли похода можно только предполагать, что или Улебъ и его боевые товарищи дѣлали походъ для добычи въ духѣ тогдашнихъ норманновъ; можетъ быть и общество ихъ состояло изъ проживавшихъ въ Новгородѣ варяговъ, къ которымъ могли примкнуть и нѣкоторые Новгородскіе славяне;—или, можетъ быть, русскіе сдѣлали попытку привести въ подданство предковъ нынѣшнихъ зырянъ.

Второе по времени извѣстіе, касающееся отчасти Вологодской губерніи, относится къ 1078 году. Лѣтописи сообщаютъ, что въ этомъ году князь Глѣбъ Святославичъ изъ Новгорода (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, изгнанный Новгородцами) ходилъ въ Заволочье и былъ тамъ убитъ Чудью (по инымъ извѣстіямъ Емью). **) Племя Емь, по общепринятому мнѣнію, занимало нѣкогда большое пространство отъ Ладоги до рѣкъ Вычегды и Выма; при движеніи русскихъ на финскій сѣверъ оно было раздѣлено; одна часть отодвинулась къ Финнскому заливу (оттуда — Ямбургъ, Финляндская Емь), а другая часть — къ сѣверо — востоку (Емца — притокъ Сѣверной Двины и Гамскій округъ — въ Яренскомъ уѣздѣ). Упомянутый походъ князя Глѣба Святославича былъ направленъ, какъ предполагаютъ изслѣдователи къ сѣверо — западнымъ предѣламъ Вологодской губерніи, т. е. къ границамъ Вельскаго уѣзда и Шенкурскаго уѣзда (Архангельской губерніи).

Какъ видно, Новгородцы въ XI вѣкѣ еще только завоевывали здѣшній край, обращая туземцевъ въ своихъ данниковъ. Спусти

*) См. *Gesammelte Schriften öföqrer's* I, стран. 531 и слѣд., 579, 580 и слѣд.

**) Интересно, что въ Печерскомъ Патерикѣ (изд. 1863 года листъ 143) въ сказаніи о затворникѣ Никитѣ, котораго прельстилъ бѣсъ, приписано бѣсовскому навожденію предъузнаніе этимъ затворникомъ въ Кіевѣ смерти Глѣба Святославича. Ср. Исторію р. церкви Голубинскаго, т. I. ч. I.

50 лѣтъ послѣ Глѣба Святославича, на огромномъ пространствѣ отъ Онежскаго озера до рѣкъ Пинеги и Сухоны было только 26 мѣстностей, гдѣ тогда успѣли утвердиться Новгородцы. Это показываетъ «Уставъ о церковной дани» времени Новгородскаго князя Святослава Ольговича, троюроднаго брата Юрія Долгорукаго, 1137—8 года. Князь Святославъ этимъ уставомъ замѣняетъ прежній выдѣлъ десятины изъ княжескихъ доходовъ въ пользу епископа — опредѣленную ежегодную суммою во 100 гривенъ; въ уставѣ также обозначено, сколько въ какой волости епископы должны собирать себѣ десятой части; нѣкоторыя изъ указанныхъ волостей находятся въ предѣлахъ Вологодской губерніи, именно Вель (десятины—два сорочка *), Векшенга (десятины—столько же), Тотьма (десятины—сорочекъ) и Тойма (тоже). Кромѣ этихъ, еще нѣсколько мѣстностей могутъ быть отыскиваемы въ нашей губерніи, о чемъ можно подробно читать въ сочиненіи Н. П. Барсова, покойнаго проф. Варшавскаго Университета: «Очерки русской исторической географіи.»

Такимъ образомъ, сѣверная полоса Вологодской губерніи была заселяема русскими выходцами изъ Новгорода, и возникновеніе поселеній на мѣстахъ нынѣшнихъ городовъ Вельска и, можетъ быть, Тотьмы **) относится къ началу XII вѣка. Къ этому же времени можно отнести и возникновеніе Вологды, новгородской колоніи на Ростовской территоріи.

Конечно, эта новгородская колонизація была по преимуществу торгово-промышленная. Однако позволительно предполагать, по уставу Князя Святослава, что въ началѣ XII вѣка могли христіанскіе поселенцы изъ Новгорода имѣть вліяніе на туземныхъ язычниковъ въ смыслѣ распространенія христіанской вѣры въ Вельскомъ, частью въ Тотемскомъ и Устюгскомъ уѣздахъ. Но распространялась-ли въ

*) Шкурки убитыхъ звѣрковъ, особенно соболей, связываютъ вмѣстѣ по двадцати, и двѣ связки составляютъ сорочокъ. Это слово употребляется въ оптовой торговлѣ соболями.

**) Положительно говорить о Тотмѣ нѣтъ возможности, ибо въ печатныхъ изданіяхъ Устава читается различно: „у Тошмѣ“ и „у Тотмѣ“. „Можетъ быть тутъ Толшма или Тозьма?“

тоже время христіанская вѣра въ остальной части нашей губерніи, объ этомъ можно только предполагать изъ сказанія о преподобномъ Герасимѣ Вологодскомъ, которое сохранилось въ записи о его чудесахъ половины XVII вѣка. Тутъ сказано, что въ 1147 году, Августа 19, преподобный Герасимъ, постриженикъ Глушенскаго монастыря*) близъ Кіева, пришелъ къ Вологдѣ, на великій лѣсъ, на средній посадъ Воскресенія Христова Лѣнныя площадки малаго торжку, и, устроивъ по близости Троицкій монастырь, жилъ тутъ безъ малаго 31 годъ (скончался Марта 4-го 1178 года). Если слова: «на средній посадъ Воскресенія Христова Лѣнныя площадки малаго торжку» — не вставлены для яснѣйшаго опредѣленія мѣста поселенія преподобнаго писателемъ XVII вѣка, то ясно, что Вологда тогда была маленькимъ мѣстечкомъ, гдѣ выстроена была церковь, можетъ быть одними жившими тутъ Новгородцами и Бѣлозерцами, а можетъ быть при участіи новообращенныхъ христіанъ изъ Чуди**).

Чудь, жившая около Кубенскаго озера, медленно поддавалась вліянію христіанскихъ проповѣдниковъ. Черезъ сто лѣтъ слинкомъ послѣ преподобнаго Герасима по рѣкѣ Кубенѣ и побережью Кубенскаго озера жило множество язычниковъ, какъ это видно изъ слѣдующей записи старца Паисія Ярославова (конца XV вѣка) Бѣлозерскій князь Глѣбъ Васильковичъ, плывя изъ Бѣлоозера около 1260 года въ свою Устюгскую вотчину черезъ Порозовицу, Кубенское озеро къ р. Сухонѣ, былъ на озерѣ застигнутъ сильною бурей; прибитый въ 6-й день Августа къ каменному острову, онъ встрѣтилъ тамъ 23 монаховъ, которые занимались проповѣдываніемъ Христовой вѣры жителямъ береговъ озера изъ чудскихъ племенъ; эти монахи не смѣли

*) Въ числѣ мѣстностей, принадлежащихъ Кіево-Гнилецкому монастырю, была одна съ именемъ «Глушець», верстъ 7—8 отъ Кіева. См. труды Кіевск. Духов. Акад. 1891 года № 5. Тутъ у озера былъ Богородицкій монастырь.

**) Основательный разборъ этой записи о преподобн. Герасимѣ находится въ примѣч. 5 къ «слову Преосв. Павла Еписк. Вологодск., въ первый день празднованія 300-лѣтія Волог. Каѳедральн. Собора». См. Вологод. Епарх. Вѣд. 1868 г. №№ 17—18.

еще построить церкви, такъ какъ видѣли угрозы со стороны язычниковъ и тайно собирались въ часовню, устроенную на этомъ маленькомъ островѣ.

Съ 1166—1169 года начинается въ предѣлахъ Вологодской губерніи борьба Новгородцевъ съ великими князьями Владимірскими за богатое заволочье. Заволочьемъ называлось тогда все пространство отъ Бѣлоозера до Печоры. Князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, раздраженный сношеніями Новгородцевъ съ южно-русскими князьями, выслалъ свои отряды въ Заволочье для захвата дани, собиравшейся Новгородскими данщиками съ Двинскихъ и Волжскихъ областей. Стѣснивши съ этой стороны торговлю Новгородцевъ, князь Андрей Юрьевичъ рассчитывалъ заставить ихъ повиноваться себѣ. Новгородская лѣтопись рассказываетъ, что въ 1169 г., когда нѣкто Даныславъ Лазутиничъ пошелъ изъ Новгорода съ дружиною за волокъ собирать дань, то Андрей прислалъ на него свой полкъ. Не смотря на то, что новгородцевъ было 400, а суздальцевъ 7000, новгородцы одержали верхъ и ихъ пало только 15 чел., и суздальцевъ—1300. Новгородцы было отступали, но потомъ вернулись и взяли всю дань, а «на Суздальскихъ смердѣхъ другую» и придоша вси здорови. Иные (напр. Шегренъ) предполагаютъ, что это столкновеніе произошло гдѣ то между Бѣлоозеромъ и Вологдою. Упомянаніе о Суздальскихъ «смердахъ» указываетъ, что въ этой мѣстности тогда были и суздальскіе поселенцы—землевладѣльцы.

Послѣ Андрея Боголюбскаго братъ его в. князь Всеволодъ III воспользовался затруднительнымъ положеніемъ Новгородцевъ во время борьбы ихъ съ Югрою (племенемъ, жившимъ до XIV вѣка на западныхъ склонахъ Уральскаго хребта у рѣки Печоры) и въ 1197 г. захватилъ въ Заволочѣ многихъ Новгородцевъ, конечно съ данью, и привелъ ихъ во Владиміръ, держа ихъ тутъ на волѣ, но не позволяя выѣзжать въ Новгородъ.

Къ этому времени борьбы Андрея Боголюбскаго и Всеволода III съ Новгородцами надо относить основаніе Устюга. Мѣстность, гдѣ стоитъ Устюгъ, очень удачно была выбрана Владиміро-Суздальскими

князьями для наблюденія за Новгородцами. Владѣя этимъ пунктомъ, князья могли, притѣсняя данщиковъ Новгородскихъ, заставлять Новгородцевъ слушаться себя.

Мѣстная Устюгская лѣтописная запись подъ 1212 г. говоритъ объ Устюгѣ, какъ о порядочномъ селеніи, или городкѣ, и о значительномъ количествѣ въ немъ христіанъ. Нѣкій монахъ Кипріанъ изъ уроженцевъ этого края, началъ 1212 г. «по желанію жителей Устюга» устраивать обитель иноческую и въ 1216 году окончилъ постройку главной церкви въ честь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и Св. Архистратига Михаила; послѣ этого 60 лѣтъ онъ управлялъ монастыремъ († 1276 г. 29 Сентября).*) Можно предполагать, что городокъ существовалъ и до 1212 г. не малое время.

Ранѣе Устюга, тутъ же не далеко къ юго — востоку, верстахъ въ 3 — 4-хъ отъ нынѣшняго Устюга, на р. Югѣ, стоялъ городокъ Гледенъ. Можетъ быть, Владимірскіе князья, желая утвердиться въ этой мѣстности и замѣтивъ, что гору Гледенъ обрываетъ теченіемъ, устроили небольшое укрѣпленіе близъ Гледена на болѣе удобномъ мѣстѣ, а жители Гледена добровольно стали сюда переселяться подъ защиту Владимірскихъ князей и потому, что мѣстоположеніе Устюга казалось безопаснѣе отъ рѣчныхъ разливовъ. Гледенъ запустѣлъ и его имя сохранилось только въ названіи Троицкаго Гледенскаго монастыря, въ которомъ, по преданію, постриженъ былъ преподобный Кипріанъ. |

Всеволодъ III отдалъ Ростовъ съ Устюгомъ въ числѣ пяти городовъ своему старшему сыну Константину; послѣ него Устюгъ перешелъ къ сыну Константина — Васильку; потомъ къ Глѣбу Васильковичу, потомъ къ двоюроднымъ его племянникамъ Димитрію, а за нимъ Константину Борисовичамъ.

*) Проф. Моск. Дух. Академіи Е. Голубинскій въ своей исторіи Русской церкви въ до-монгольскій періодъ (М. 1881 г. т. I. Вторая половина, стран. 638, 652 и 653), — выходя изъ предвзятаго мнѣнія, необоснованнаго на фактахъ, сомнѣвается въ вѣрности хронологическихъ указаній мѣстныхъ лѣтописей о преп. Герасимѣ, о преп. Кипріанѣ и о Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ.

Сыновья Всеволода III продолжали отцовскую политику въ отношеніи Новгорода, стѣсня торговлю его. Напр., когда въ 1219 году Новгородец Семьюнъ Еминъ пошелъ въ „четырехъ стѣхъ“ на Тоймокары, то Юрій и Ярославъ Всеволодовичи непустили его сквозь свою землю. *) Конечно, здѣсь рѣчь идетъ объ области двухъ рѣкъ Тоймъ, Верхней и Нижней, на границѣ Вологодской и Архангельской губерній. Въ этой мѣстности много было прежде чудскихъ городищъ; особенно былъ замѣчателенъ городокъ на р Топсѣ, въ Архангельской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ Троицкаго погоста. Можетъ быть сюда и намѣревался отправиться въ 1219 году новгородец Семьюнъ Еминъ.

Изъ этихъ очень отрывочныхъ извѣстій видно, что русскіе въ началѣ XIII столѣтія утвердились и въ Устюгскомъ краѣ и могли сдѣлаться господами по верхней Двинѣ и, вѣроятно, по впадающей въ нее Вычегдѣ. Последнее предположеніе о Вычегдѣ нѣкоторые основываютъ на словахъ лѣтописи о томъ, что Юрій Всеволодовичъ „постави грады многи,“ въ числѣ этихъ „градовъ многихъ“ ставятъ и Черниговъ на Вычегдѣ, время основанія котораго точно неизвѣстно и вблизи котораго впоследствии былъ построенъ Сольвычегодекъ, какъ вблизи Гледена — Устюгъ.

Съ утвержденіемъ русскихъ на Верхней Двинѣ, торговый путь, шедшій съ юга по Камѣ и отъ Камы на Сѣверную Двину къ Вѣлому морю, попалъ въ руки русскихъ. Камскіе Болгары, которые до IX вѣка вели мирную торговлю съ жителями Заволочья и съ Норманнами, увидали опасность, угрожавшую ихъ интересамъ, и сдѣлали попытку устранить ее. Въ 1219 г. они напали на Устюгъ и „взяша его лестію“ и потомъ „идоша по Унжи и Унжане отбишася отъ нихъ.“ Но на другой же годъ Болгары должны были оставить свои завоеванія. Великій князь Юрій II Всеволодовичъ въ 1220 году устроилъ большой походъ на „безбожныхъ“ Болгаръ; его братъ Святославъ Всеволодовичъ посланъ былъ съ великокняжескими полками внизъ по Волгѣ; въ помощь ему, по приказанію

*) См. первую Новгородскую лѣтопись, ст. 209. Изд. 1888 г. С.п.б.

великаго князя,—ростовскій князь Василько Константиновичъ отъправилъ два полка: одинъ изъ Ростова, а другой — на верховье Камы изъ Устюга. Устюжане дѣйствовали очень удачно; идя внизъ по Камѣ, они взяли по ней много городовъ и нѣсколько сель, все жгли и убивали людей; иныхъ брали въ плѣнъ; съ множествомъ полона и съ великою корыстію они соединились у устья р. Камы съ главнымъ русскимъ войскомъ, шедшимъ также съ большою добычею. Въ Городцѣ на Волгѣ великій князь согласился на просьбы Болгаръ о мирѣ и миръ былъ заключенъ по прежнему, какъ было при Всеволодѣ III и при Юріѣ Долгорукомъ.

Въ половинѣ XIII вѣка, черезъ 20 лѣтъ послѣ рассказаннаго, вся Русь была покорена татарами и по русскимъ городамъ посажены были татарскіе посланцы — собирать на хана дань. Изъ нашихъ Вологодскихъ городовъ извѣстно только про одинъ Устюгъ, что тамъ какой-то татаринъ Буга (или Багу) чинилъ насилія жителямъ. Въ 1262 году, когда въ Устюгѣ узнали объ умерщвленіи татарскихъ сборщиковъ по многимъ русскимъ городамъ, этотъ Буга ожидая себѣ смерти отъ недовольныхъ Устюжанъ, принялъ христіанскую вѣру съ именемъ Іоанна и вскорѣ построилъ въ Устюгѣ церковь во имя Іоанна Предтечи. Впослѣдствіи своею добротою Іоаннъ со своею супругою Марією заслужилъ общую любовь горожанъ.

Отъ татаръ Устюгъ едва ли много пострадалъ, потому что братъ Ростовскаго князя Бориса, князь Глѣбъ Васильевичъ Бѣлозерскій, тотъ самый, о которомъ было упомянуто выше и которому по смерти Бориса принадлежалъ вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ и Устюгъ, могъ быть хорошимъ его защитникомъ. Въ лѣтописяхъ объ немъ сказано, что онъ съ юности служилъ у татаръ и многихъ христіанъ избавилъ. О дѣятельности кн. Глѣба Васильевича въ здѣшнемъ краю извѣстны два факта: во 1-хъ, около 1260 г. (а можетъ быть и позже) онъ положилъ основы монастырю Спасо-Преображенскому на каменномъ островѣ Кубенскаго озера; во 2-хъ, онъ распорядился выпрямить теченіе рѣки Сухоны въ ея верховьяхъ: были сдѣланы два перекопа, одинъ — у кривой Луки, а другой немного ниже по теченію.

Размножившіеся потомки кн. Глѣба Васильковича (ум. 13 Дек. 1278 г.) и его брата Бориса понемногу завладѣли землями къ югу и къ сѣверу отъ Кубенскаго озера и стали проникать въ область рѣкъ Вели и Ваги.*) Своею междоусобною борьбою за Угличъ, Ростовъ и Бѣлоозеро и дробленіемъ своихъ владѣній**) они ослабляли свои силы и легко подчинены были вскорѣ Московскими князьями. Болѣе ловкимъ въ борьбѣ изъ родственниковъ оказался кн. Димитрій Борисовичъ: онъ около 1287 года завладѣлъ Ростовомъ и Устюгомъ. Въ 1290 году при немъ въ Устюгѣ была освящена Ростовскимъ Епископомъ Тарасіемъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы (нынѣ Успенскій Соборъ), изъ Ростова для этой церкви прислалъ князь икону Пресвятыя Богородицы «Одигитріи» и колоколъ «Тюрикъ». Когда же по смерти (1294 г.) Димитрія Борисовича его братъ кн. Константинъ сѣлъ въ Ростовъ, то Епископъ Тарасій по какому-то несогласію съ новымъ княземъ уѣхалъ (1295 г.) въ Устюгъ, но князь «ѣде по немъ въ Устюгъ и ять владыку и люди около него поима»***) (въ иныхъ лѣтописяхъ: пограби). Современниками почти всѣхъ разсказанныхъ объ Устюгѣ событій и собесѣдникомъ преподобнаго Кипріяна и праведныхъ Іоанна и жены его Маріи былъ праведный Прокопій, скончавшійся 8 Іюля 1303 г. Его молитвамъ приписали Устюжане чудо Божіе избавленія Устюга отъ истребленія каменнымъ дождемъ; это чудо совершилось именно въ тотъ годъ, когда по лѣтописному указанію, Епископъ Тарасій Ростовскій освящалъ Успенскую церковь въ городѣ. Въ житіи праведнаго Прокопія указано и число мѣсяца (25 Іюня 1290 г.), въ которое совершилось чудо. Онъ же предсказалъ рожденіе въ Устюгѣ епископа и учителя народа пермскаго, великаго Стефана, лѣтъ за 30 и болѣе до самого рожденія.

*) Далеко-ли на сѣверъ отъ Кубенскаго озера простирались земляныя владѣнія Ростовскихъ князей и гдѣ были «Ростовскія межи», невозможно опредѣлить съ приблизительною точностію; указанія документа подъ № 257, I и еще другаго подъ № 260, I въ Актахъ юридич. С.п.б. 1838 года—относятся къ Шенкурскому уѣзду и къ среднему теченію р. Кокшеньги въ Вельскомъ уѣздѣ.

**) На пространствѣ не болѣе 400 кв. миль образовалось нѣсколько мелкихъ княжествъ, каковы: Авнежское, Вадбольское, Кубенское, Заозерское, Бохтюжское, Новленское, Ухтомское, Шелешпанское и др.

***) Смотр. въ Лаврентьевской лѣтописи. Издан. Археографичес. Коммисіи. 1872 г. стр. 500.

Покровительствуемые и поддерживаемые Ростовскими князьями, Устюжане настолько чувствовали себя сильными, что не разъ смѣло вступали въ борьбу съ Новгородомъ. Въ лѣтописяхъ упоминается о двухъ случаяхъ этого рода въ началѣ XIV вѣка. Въ 1323 г. Устюжане ограбили Новгородцевъ, которые шли на Югру. На слѣдующій годъ Новгородцы вмѣстѣ съ Московскимъ княземъ Юріемъ Даниловичемъ отправились въ Заволочье и взяли Устюгъ «на шить» и пошли дальше къ Двинѣ, «и ту прислаша послы князи Устюжскими къ князю и къ Новгородцемъ и докончаша миръ по старой пошлинѣ; и придона Новгородци вси здорови, а князь Юрьи поиде въ орду изъ Заволочья по Камѣ рѣцѣ.» Не смотря на эту неудачу, черезъ пять лѣтъ, въ 1329 году Устюгскіе князья (т. е. вѣроятно, намѣстники Ростовскихъ князей) осмѣлились не только ограбить Новгородцевъ, которые пошли на Югру, но и убили ихъ.*)

О Вологдѣ съ 1147 года до 1260 годовъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Имя Вологды, какъ Новгородской волости, упоминается въ договорной грамотѣ (1264 г.) великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго, брата и преемника Св. Александра Невскаго, съ Новгородцами. Эта грамота устанавливала прелѣлы власти великаго князя по отношенію къ новгородскимъ волостямъ и торговыя льготы Новгородскихъ купцовъ по Суздальской и Тверской землямъ. Въ этой грамотѣ, между прочими условіями, сказано, что Вологда, какъ одна изъ Новгородскихъ волостей, должна вѣдаться Новгородскими мужами. Лѣтъ черезъ 5 эти условія были подтверждены новою грамотою, но недовѣрію новгородцевъ къ великому князю.***) Изъ другихъ договорныхъ грамотъ Тверскихъ князей съ Новгородцами видно, что эти князья не однажды пытались овладѣть Вологдой; въ 1273 году Вологда была раззорена во время нападенія на нее Тверскаго князя

*) См. первую новгородскую лѣтопись. Спб. 1888 г. стр. 320, 321 и 324.

**) На этотъ разъ Новгородцы прибавили еще условіе о томъ, что князю—братъ куны на Имоволозьскомъ погостѣ и на Важаньскомъ. Не разумѣется-ли тутъ подъ послѣднимъ названіемъ центральный пунктъ управленія Важескимъ краемъ. Смолтр. Собр. Госуд. Грам. и Договор. I №№ 1—4.

Святослава Ярославича, а около 1308 года въ Вологдѣ Тверской князь Михаилъ Ярославичъ пытался держать отъ себя тиуна, и Новгородцы, заключая съ нимъ договоръ, требовали, чтобы онъ вывелъ своего тиуна изъ Вологды.

Послѣ этого есть извѣстіе, что въ 1335 г. городъ Вологда сгорѣлъ, но, не смотря на это, въ житіи Св. Дмитрія Прилуцкаго писанномъ во второй половинѣ XV вѣка, читаемъ о Вологдѣ, что во время пришествія этого святаго въ Вологду, городъ былъ уже украшенъ многими храмами, а Св. Дмитрій пришелъ въ Вологду около 1378 года.

Вотъ и все, что извѣстно о Вологдѣ и объ Устюгѣ до княженія Дмитрія Ивановича Донскаго.

Въ самомъ началѣ княженія Дмитрія Ивановича, встрѣчаемъ въ Устюгѣ Ростовскаго князя Константина Васильевича (1363 г.) Извѣстно, что въ этомъ году великій князь заставилъ Ростовскихъ князей подчиниться своей власти и всего вѣроятнѣе, что князь Константинъ Васильевичъ отѣхалъ въ Устюгъ изъ нежеланія служить Московскому князю, рассчитывая, но безуспѣшно, здѣсь въ отдаленной волости сохранить какую нибудь тѣнь самостоятельности. Послѣ этого Московскіе князья распоряжаются Устюгомъ совсѣмъ неограничено и начинаютъ принимать разныя мѣры для пріобрѣтенія владѣній на востокъ отъ Устюга и для ихъ благоустройства и упроченія за Москвою.

Вологда же въ теченіи полустолѣтія, при Донскомъ и послѣ него, была, или, вѣрнѣе, числилась, въ нѣкоторой зависимости отъ Новгорода; большинство, если не всѣ историки, признаютъ Вологду въ совмѣстномъ владѣніи Новгородцевъ и великихъ князей Московскихъ, т. е. для управленія Вологдою назначались должностныя лица и изъ Новгорода и изъ Москвы и чинили судъ и расправу совмѣстно. Дмитрій Ивановичъ, иногда нуждаясь въ содѣйствіи Новгородцевъ, не захватывалъ Вологды совсѣмъ; однако въ 1386 г. раздраженный частыми разбоями Новгородскихъ ушкуйниковъ на Волгѣ,*) спорами

*) Подъ 1375 г. въ Архангелогородск. лѣтописцѣ (М. 1781 г.) стран. 92, отмѣчено, что черезъ Устюгъ мирно проходилъ какой-то

вѣча съ митрополитомъ и др. обстоятельствами, предпринимая походъ на Новгородъ, заставилъ участвовать съ собою въ этомъ походѣ и Вологодскіе отряды, наравнѣ съ Бѣлозерскими и Устюжскими. Ранѣе же этого, за двадцать лѣтъ, когда въ 1366 году ушкуйники также ограбили не мало жителей по Волгѣ «безъ Новгородскаго слова», т. е. безъ вѣдома городскихъ властей, — великій князь ограничился только тѣмъ, что велѣлъ наступившею зимою схватить на Вологдѣ какого-то Новгородскаго боярина Василья Даниловича съ сыномъ, ѣхавшаго съ Двины безъ предосторожностей и не подозрѣвавшаго тутъ никакой опасности, но на слѣдующій годъ (1367) освободилъ ихъ, согласившись на просьбы Новгородцевъ о мирѣ.

Кажется, подъ именемъ «волости» Вологодской, зависѣвшей отъ Новгородцевъ, надо разумѣть только городъ Вологду и очень немного пригородныхъ селъ или деревень. Изъ сохранившихся документовъ историческихъ видно, что большая часть Вологодскаго и Грязовецкаго уѣздовъ, а также и Кадниковскаго — зависѣла уже вполнѣ отъ великаго князя Московскаго. Въ своей духовной Дмитрій Донской такъ распоряжается своими Вологодскими землями: своему сыну Петру Дмитріевичу назначаетъ въ нашемъ краю Тошну и Сяму; своей супругѣ Евдокии Дмитріевнѣ — Иледамъ съ Комелою, да изъ Петровой доли — Сяму; первыя двѣ волости — Тошна и Сяма, въ Вологодскомъ уѣздѣ, а Комела и Иледамъ — въ Грязовецкомъ уѣздѣ Вологодской губерніи и Любимскомъ — Ярославской. Вѣроятно, Сяма и Тошна входили въ составъ Кубенскаго княжества, а Иледамъ съ Комелою въ составъ Авнежскаго, и вмѣстѣ съ Ростовскими вотчинами были приобрѣтены Московскими князьями.

! Со времени княженія Дмитрія Донскаго въ нашемъ краю появляется много монастырей и число ихъ все увеличивается въ XV и XVI столѣтіяхъ. Каждая духовныхъ подвиговъ и безпокойства, испытываемыя въ Московскихъ краяхъ, а можетъ быть и другія обстоятельства, заставляли иноковъ бѣжать въ глухія, лѣсистыя и

Новгородскій бояринъ Прокопій, вскорѣ пограбившій Нижній-Новгородъ, Ярославль и Кострому съ шайкою изъ семидесяти пасадовъ (лодокъ).

болотистыя мѣстности нашей губерніи. Св. Стефанъ Махрищскій съ ученикомъ Григоріемъ удаляется отъ непріятностей въ Авнегу въ 1370 годахъ и устраиваетъ Троицкій монастырь (нынѣ приходская церковь въ Тотемскомъ уѣздѣ). Преп. Димитрій († 1392 г.) изъ Переяславля уходитъ отъ безпокойствъ, испытываемыхъ вслѣдствіе Татарскихъ и Литовскихъ нападеній на этотъ городъ, и поселяется сначала на р. Лежѣ, близко къ Авнегѣ, но и здѣсь не найдя покоя, переходитъ къ Вологдѣ и, кажется, въ 1378 году устраиваетъ подъ городомъ Спасскій монастырь. Приблизительно въ эти же годы поселился на р. Нуромѣ препод. Сергій († 1412 г.) и тогда же основанъ былъ неизвѣстно кѣмъ монастырь при истокѣ р. Сухомы изъ Кубенскаго озера на «лукѣ» (т. е. излучинѣ), которая послѣ построения монастыря стала называться святою Лукою и доселѣ удерживаетъ это имя. Въ 1380 годахъ поселяется въ Комельскомъ лѣсу на р. Обнорѣ Преп. Павелъ († 1429 г.) прозванный Обнорскимъ.

Почти одновременность всѣхъ этихъ переселеній наводитъ на мысль, не были ли они слѣдствіемъ какихъ либо правительственныхъ соображеній и распоряженій духовной и свѣтской власти? Въ эти годы въ Ростовѣ жилъ Св. Стефанъ, занимаясь своимъ образованіемъ (съ 1365—1378 г.); Ростовъ въ то время былъ сравнительно съ другими городами средоточіемъ образованія. Имѣя совѣтниками такихъ людей, какъ Св. Митрополитъ Алексѣй и Преподоб. Сергій Радонежскій,— великій князь Димитрій Ивановичъ, „зѣло зная и любя“ Св. Стефана, изъ бесѣдъ съ послѣднимъ могъ знать о духовномъ мракѣ жителей заволжскаго края, а Св. Стефанъ, задумывая свой миссіонерскій планъ, въ бесѣдахъ съ преп. Сергіемъ, который зналъ и преп. Димитрія Прилудскаго, могъ не мало сообщить имъ о необходимости просвѣщенія жителей сѣвера. Не безъ совѣщаній съ вышеозначенными лицами великій князь Димитрій Ивановичъ пожелалъ назначить игуменомъ въ Спасо-Преображенскій монастырь на Кубенскомъ озерѣ — образованнаго Діонисія, пришельца со Св. горы Аѳонской. Этотъ игуменъ сдѣлалъ Спасо-каменскій монастырь училищемъ иночества, ввелъ въ монастырь строгій аѳонскій уставъ, обогатилъ монастырь книгами, такъ что монастырь сталъ вскорѣ

извѣстнымъ на всемъ сѣверѣ. (Послѣ 1260 года это — второе по времени извѣстіе о Спасо-каменномъ монастырѣ).*)

Замѣчательнымъ, особенно для нашего края, событіемъ княженія Димитрія Донскаго было просвѣщеніе Перми Св. Стефаномъ и учрежденіе Пермской епархіи. Пермью, которую просвѣщалъ Св. Стефанъ, называлась въ то время страна по теченію рѣкъ Вычегды, Выма и Сысолы.**)

Устюжанинъ по рожденію (род. ок. 1335—1340 г.г.), ростовецъ по образованію, москвитянинъ по духу дѣятельности въ собираніи Руси, Св. Стефанъ былъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и образованныхъ русекихъ проповѣдниковъ ученія Христова въ средѣ иноплеменъ-язычниковъ. Почти четыре года (съ конца 1379 г.) странствовалъ Св. Стефанъ по Перми, проповѣдая вѣру во Христа. Въ концѣ 1383 года онъ былъ поставленъ во епископа Пермскаго. Мѣстопребываніемъ для епископа Св. Стефанъ избралъ торговое мѣстечко при впаденіи р. Выма въ Вычегду, но мало приходилось ему и тремъ его преемникамъ жить спокойно на одномъ мѣстѣ. Въ 1386 году Вогулы съ востока, а Новгородскіе ушкуйники съ запада нападали на Пермскій край; святитель однимъ своимъ приближеніемъ навелъ ужасъ на язычниковъ, и они, побросавъ награбленное, ушли; а противъ ушкуйниковъ Св. Стефанъ обращался къ Новгородскому вѣчу и для этого ѣздилъ въ Новгородъ; съ того времени ушкуйники не трогали Перми.***)

На слѣдующій годъ Пермскій край былъ постигнутъ голодомъ и Св. Стефану пришлось заботиться о снабженіи хлѣбомъ изъ Вологды и Устюга несчастныхъ жителей Перми. Въ 1391 году уже при вел. князѣ Василѣ Димитріевичѣ селенія Пермичей подверглись нападѣніямъ тѣсныхъ Татарами

*) Сказаніе Паисія Ярославова о Каменномъ монастырѣ напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1861 г., ч. I, стр. 197—216.

**) Слѣдуетъ различать просто Пермь и «великую» Пермь. Жители Перми съ 1570 годовъ стали извѣстны подъ именемъ зырянъ. Епископы Пермскіе, преемники Св. Стефана, до 1572 г. не назывались «велико-Пермскими», а просто Пермскими. См. Г. Лыткина: «Зырянскій край при Епископахъ Пермскихъ» Спб. 1889 г.

***) Можетъ быть, это путешествіе Св. Стефана въ Новгородъ было послѣ заключенія мира у велик. князя съ Новгородомъ прекратившаго войну 1386 г. См. выше.

Вятчанъ;*) Св. Стефанъ своими рѣчами убѣдилъ ихъ оставить набѣги. Въ 1390 году вызванный митрополитомъ для участія въ обсужденіи дѣла Тверскаго епископа Евфимія, Св. Стефанъ ѣздилъ въ Тверь на соборъ (въ Іюль или Августъ). 1393 годъ былъ опечаленъ тяжелымъ, особенно для Св. Стефана, событіемъ. Родина его — городъ Устюгъ — былъ взятъ Новгородцами и раззоренъ. Это произошло такимъ образомъ. Новгородцы не хотѣли соблюдать условіе о черномъ борѣ, заключенное съ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ, не хотѣли также ходить въ Москву на судъ Митрополичій. Они могли быть недовольны, что въ ихъ волости, Пермской, Московскій митрополитъ учредилъ епископію. При такомъ положеніи дѣла, — великій князь взялъ у Новгорода пригородъ Торжекъ съ волостями и Волокъ Ламскій и Вологду, и много волостей повоевалъ. Тогда Новгородское войско водою на многихъ насадахъ и ушкуяхъ пришло съ Двины, изъ Заволочья, ратью и взяло Устюгъ весь и огнемъ пожгло; «и церковь чюдную съборную разграбиша, и множество злата и серебра, еже есть въ ней, кузнъ иконы Св. Богородицы, то все одраша и стояша мѣсяць въ одномъ мѣстѣ на Устюзѣ и Юзѣ; воююще и люди изъ лѣсовъ выводяще мучаху, и вся имѣнія ихъ, кто гдѣ ни похоронилъ, попмаша и вся волости и села пусты сотвориша, люди же и скоть и все зажитіе попроводиша на низъ по Двинѣ. Такжеде тогда и Бѣлоозеро градъ и села и волости повоеваша и сотвориша ему, яко и Устюгу».

Между тѣмъ, только за годъ до этого, въ 1392 г. Новгородцы иначе относились къ Устюжанамъ; они дружно въ насадахъ и ушкуяхъ дѣлали походъ (можетъ быть, не безъ вѣдома Св. Стефана) на Татаръ, овладѣвшихъ Вяткою въ 1391 году, и взяли у Татаръ Жукотинъ и Казань, выйдя на Волгу они ограбили всѣхъ гостей (т. е. кулцовъ) и возвратились. Такъ быстро потомъ измѣнились отношенія. — Столкновеніе 1393 года окончилось подтвержденіемъ стараго обязательства Новгородцевъ платить великому князю,

*) Къ этому времени относится раззореніе Вятчанами и Татарами, преслѣдовавшими первыхъ, Троицкаго Авнежскаго монастыря, который послѣ этого болѣе ста лѣтъ былъ въ запустѣніи.

какъ и при Димитріѣ Ивановичѣ, черный боръ со всѣхъ волостей и митрополитъ опять признанъ въ прежнихъ правахъ и одаренъ 350 рублями.

Черезъ три года послѣ этого Св. Стефанъ отправившись по дѣламъ въ столицу, скончался въ ней 26 Апрѣля 1396 года.

Предѣлами епархіи Стефана Пермскаго полагають на востокѣ Ульяновскую пустыню, основаніе которой преданіе ему и приписываетъ, на югѣ—Вотчу (на Вотчѣ, по преданію, основана Св. Стефаномъ Афанасьевская пустыня),—на сѣверѣ по р. Выму и внизъ по р. Двинѣ — неопредѣленное пространство; на западѣ Пермская епархіа близко подходила къ Устьюгу. Относительно послѣдняго путешествія Св. Стефана записано Шегреномъ въ 1827 году преданіе, будто Св. Стефанъ ѣхалъ въ Москву вверхъ по Сысолѣ, отдыхалъ въ деревнѣ Гривѣ, а въ деревнѣ Мирпонаибѣ, въ 6 верстахъ отъ Ужгинской церкви, обѣдалъ. Въ память этой остановки святителя была поставлена въ послѣдней деревнѣ часовня; при проѣздѣ Шегрена также стояла тутъ часовня. Послѣ обѣда Св. Стефанъ продолжалъ свой путь къ Москвѣ черезъ Кажимскіе лѣса и дебри на Каму, по которой и плылъ въ Волгу. Далѣе преданіе прибавляетъ, что одной больной дѣвочкѣ Ужгинскаго прихода было нѣкогда откровеніе; она передавала приходскому священнику, будто Св. Стефанъ выражалъ желаніе; чтобы тутъ былъ построенъ монастырь, за что онъ сдѣлаетъ узкую и мелкую Сысолу большою судоходною рѣкою и благосостояніе жителей поднимется; но такъ какъ никто не внялъ этимъ рѣчамъ дѣвочки, то все осталось по старому и жители имѣють скудный заработокъ.

Послѣ Свят. Стефана болѣе полутора года пермская кафедра оставалась не замѣщенной, 20 Января 1398 года поставленъ былъ митрополитомъ Кипріаномъ во Епископа Пермскаго—Исаакій.*) Въ этомъ году (1398) въ западной и сѣверо-западной частяхъ

*) Объ этомъ епископѣ только и извѣстно, что онъ въ Мартѣ 1416 года присутствовалъ въ Москвѣ на соборѣ при рукоположеніи въ Новгородъ архіепископа Симона.

нашей губерніи происходили большія военныя дѣйствія. Новгородцы не исполняли договора 1393 года; великій князь сталъ ихъ тѣснить и приказалъ своимъ воеводамъ Андрею Албердову и другимъ, занять Заволоцкую, Двинскую землю и Вагу, потомъ отнялъ у Новгородцевъ Волоколамскъ, Вологду и Бѣжецкъ. Слѣдствіемъ этого былъ походъ 1398 года Новгородцевъ на Двину, Вагу, Кубену и Вологду.

Въ лѣтописной записи объ этомъ походѣ сказано, что бояринъ великаго князя Андрей Албердовъ съ Двинскимъ воеводою Иваномъ Пикитинымъ (можетъ быть Двинскимъ посадникомъ), наѣхалъ на волость Св. Софіи, на Вель, въ самую Пасху (въ 1397 г. Пасха была 22 Апрѣля), повоевали ее, а «на головахъ окупъ взяли», отъ великаго князя пріѣхалъ на Двину на заставу князь Ѳеодоръ Ростовскій блюсти городокъ и судить и пошлины имати съ Новгородскихъ волостей, а Двинскіе воеводы Иванъ, Кононъ и другіе, которые передались великому князю раздѣлили между собою Новгородскія волости.

О дѣйствіяхъ великокняжескихъ войскъ узнали въ Новгородѣ и послѣ Пасхи 1398 года (7 Апрѣля) двинулось изъ Новгорода войско за Волокъ на Двину къ городу Орлецу (постр. въ 1342 г.) Гдѣ то на дорогѣ тутъ встрѣтилъ ихъ владычный Новгородскій волостель Исаія съ Вели и рассказалъ все вышеизложенное объ отпадении Двинской земли отъ Новгорода. Тогда Новгородскіе воеводы повернули на Вѣлоозеро, потомъ воевали Кубенскія волости и около Вологды, и Устюгъ городъ повоевали и пожгли, а города Гледена не могли взять и стояли тутъ три или четыре недѣли; одинъ отрядъ Новгородскій воевалъ великокняжескія волости около Галича. Новгородцы просили у Устюжанъ съ города и съ церковей «копейщины», но тѣ имъ не дали; тогда они разграбили соборную церковь на Устюгѣ и зажгли ее.*) Отъ Устюга пришли къ Орлецу и, овладѣвши имъ, уничтожили укрѣпленія. Заволоцкіе воеводы Иванъ,

*) Въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ (стр. 117) рассказано при этомъ о чудѣ, бывшемъ отъ Устюгской иконы Богородицы. Въ Устюгскомъ лѣтописцѣ является уже въ изданіи А. Титова, 1889 г., распространенная повѣсть объ этомъ чудѣ, ошибочно поставленная подъ 1299 годомъ.

братъ его Айфаль (или Анфаль), Кононъ и др. были взяты въ плѣнъ; у князя Оедора Ростовскаго взяли присудъ и пошлины, которыя онъ набралъ себѣ; у великокняжескихъ купцовъ (гостей) взяли выкупа — 300 рублей, а съ Двинянь — 2000 рублей и 3000 коней. Когда плѣнныхъ вели въ Новгородъ, Анфалу удалось съ дороги убѣжать; за нимъ погнался Яковъ Прокопьевъ съ 700 чел. и загналъ его къ Устюгу, гдѣ былъ тогда князь Юрій Андреевичъ и Ростовскій Архіепископъ Григорій. Яковъ спросилъ владыку Григорія, князя Юрія и Устюжанъ: «стоите-ли за бѣглеца Новгородскаго Анфала»? Тѣ отвѣтили, что не стоятъ; тогда Яковъ пошелъ дальше за Анфаломъ и настигъ его за Медвѣжьею Горою (верстъ семь внизъ по р. Югу отъ впаденія въ Югъ р. Пушмы), гдѣ бѣглецъ съ товарищами своими устроилъ острогъ и бился изъ-за него съ Новгородцами. Устюжане обманули Якова и въ числѣ 2000 человекъ пришли на помощь къ Анфалу и бились съ Новгородцами крѣпко на р. Сухонѣ у порога Стрѣльнаго. Яковъ побѣдилъ, убилъ 400 чел. Устюжанъ и дружины Анфаловой, многихъ перетопилъ въ Сухонѣ. Но самъ Анфаль убѣжалъ въ Устюгъ.*) Эта борьба Якова съ Анфаломъ была уже въ 1399 году, но еще осенью 1398 г. изъ Новгорода ѣздили послы въ Москву и заключили съ в. княземъ миръ по старинѣ.

Попытка великаго князя отнять у Новгородцевъ силою Вель, Вагу и Двину была неудачна, также неудачно было нападеніе великокняжескихъ войскъ на Двинскую землю и въ 1401 году; Московское войско, подъ начальствомъ вышеупомянутаго бѣглеца Анфала и еще другаго воеводы, «на миру, на крестномъ цѣлованіи, безвѣстно», (т. е. неожиданно), выступило съ Устюжанами и взяло всю Двинскую землю «на шить» въ самый Петровъ день (29 Іюня), но съ Ваги собрался Новгородскій отрядъ, прогналъ Анфала и прочихъ и у Коломоръ отбилъ всѣхъ плѣнныхъ.

Подъ 1417 годомъ въ лѣтописяхъ отмѣченъ случай разбоя по рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, въ который втянуты были и Устюжане. Именно — одинъ изъ бояръ князя Юрія Галическаго, брата великаго князя, Глѣбъ Семеновичъ съ Новгородскими бѣглецами Симеономъ

*) См. Ист. Росс. Соловьева, т. IV, ст. II — Анфаль умеръ въ 1409 г.

Жадовскимъ и Михаиломъ Разсохинымъ, собрали шайку изъ Вятчанъ убѣдили Устюжанъ, можетъ быть обманно, сказавъ, что они дѣйствуютъ по желанію великаго князя, — принять участіе въ дѣлѣ и спустились внизъ по Двинѣ въ Заволочье; пограбили Борокъ*), принадлежавшій дѣтямъ Новгородца Ивана Васильевича, Емцу и Коломогору, взяли знатныхъ плѣнниковъ изъ Новгородскихъ бояръ, но на рѣкѣ Емцѣ ихъ нагналъ отрядъ Двинскихъ жителей и не только отбилъ плѣнныхъ и всю добычу, но преслѣдовалъ ихъ до Устюга и ограбилъ Устюгъ.

Въ послѣдній годъ (1425) княженія Василя Димитріевича повторилось почти тоже. Устюжане сдѣлали походъ въ Заволочье; Новгородцы заставили ихъ не только оставить Заволочье, но взяли съ нихъ окупъ нѣсколько сотъ шкуръ соболей и бѣлокъ**) Только 60 верстъ не дошло на этотъ разъ Новгородское войско до Устюга, примиреніе произошло въ Вондокурѣ.

Въ Никольскомъ уѣздѣ въ недавнее время въ народѣ хранилось преданіе о вышеупомянутомъ Анфалѣ, что черезъ Устюгъ по р. Югу направлялся онъ со своей шайкой къ Камѣ, но встрѣтился дорогою съ Вятчанами, а Вятчане въ то время были враги Устюжанъ. Вятчане заняли мѣста по рѣкамъ Вохмѣ, Вочѣ и Моломѣ, притокамъ р. Камы. Анфалъ остановился при впаденіи въ Югъ рѣчки Анданги и жилъ нѣкоторое время въ какой-то ямѣ (у мѣстныхъ жителей — «Анфалова яма»); тутъ и умеръ. А его слутники выстроили тутъ же селеніе, получившее названіе «Андангскихъ почипковъ», которое и до сихъ поръ удерживается. Нѣкоторые изъ жителей долго носили (а можетъ быть и нынѣ носятъ) фамилію Новгородцевыхъ.***)

Такимъ образомъ, обозрѣвши по возможности подробно событія касающіяся нашего края, за время княженія Василя Димитріевича,

*) Это — Борецкій приходъ, первый приходъ въ Архангельской губерніи отъ границы Вологодской губерніи.

**) По свидѣтельству Герберштейна (начало XVI вѣка), соболи, хотя и весьма рѣдко и не изъ отличныхъ попадались однако и къ Западу отъ Устюга и въ Двинской области.

***) См. Памятная книжка Вологодской губерніи 1861 г. статья В. Попова, стр. 113.

мы видимъ, что, за исключеніемъ Вельскаго уѣзда и нѣкоторыхъ Ростовскихъ волостей около Кубенскаго озера, остальное пространство Вологодской губерніи уже было подвластно Московскому великому князю. Хотя Новгородцы и при Василиѣ Темномъ считали, даже до 1471 г., Вологду своею волостью, по фактически власть надъ Вологдой была въ рукахъ великаго князя. Новгородцы оказывались въ силахъ только раззорять окрестности Вологды и Кубенскія волости. Изъ Двинской грамоты 1398 г., извѣстно, что въ Устюгѣ и Вологдѣ были великокняжескіе намѣстники.*) Двинская земля начиналась отъ впаденія рѣки Нижней Тоймы въ Сѣверную Двину и тянулась по теченію ея внизъ. Вѣроятно, если-бы были менѣе серьезны Татарскіе, Литовскіе и Ливонскіе дѣла то борьба на сѣверѣ Россіи въ Новгородскихъ волостяхъ продолжалась-бы и во 2-ю половину княженія Василия I и кончилась бы совершеннымъ присоединеніемъ этихъ волостей къ Московскому княжеству.

О Печерской волости извѣстно очень мало; а то, что извѣстно, показывается, что со временъ Іоанна Калиты она была въ зависимости довольно значительной, если не полной, отъ великаго князя. Печорскій край давно былъ извѣстенъ соколами и кречетами. Великій князь Иванъ Калита пожаловалъ сокольниковъ печорскихъ, ходившихъ въ Печору, не велѣлъ брать съ нихъ даней, «кормовъ» и подводъ, «занеже», какъ говорится въ грамотѣ, «люди ти надобны». Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ Печора была пожалована нѣкому Андрею Фрязину (т. е. по всей вѣроятности Генуэзцу) и тѣхъ же условійхъ, какъ ранѣе дядѣ его Матвѣю Фрязину; въ Перми (см. выше, что называлось Пермью) предоставлено ему право брать подводъ, какъ было и прежде со временъ дѣда Донскаго, — Калиты**)

*) Въ грамотѣ сказано, что Двинскіе гости (т. е. купцы) даютъ на Устюгѣ намѣстнику съ лодьи—два пуза соли, а съ воза товара—двѣ бѣлки, а на Вологдѣ—съ лодьи—два пуза соли, а съ воза—бѣлку; а болѣе того намѣстники Устюгскіе и Вологодскіе съ нихъ ничего не берутъ и не судятъ ихъ, ни на поруки не даютъ ни въ чемъ. Сравни торговля пошлины съ Новгородскихъ купцовъ въ Суздальской землѣ 1265 г. С. Г. Г. и Д., I, №№ 1—4.

**) См. «Герберштейнъ» Е. Замысловскаго, Спб. 1884 г. стр. 282.—Ср. о кречетахъ, привозимыхъ въ Вологду. С. Г. Г. и Д. т. I № 14.

Въ церковно-административномъ отношеніи удерживалось прежнее главное дѣленіе нашей территоріи: Вологда и Вель зависѣли отъ Новгородскаго Архіепископа, а Устюгъ — отъ Ростовскаго. Пермская епархія послѣ Св. Стефана расширяется до р. Печоры включительно. Преемнику Св. Стефана епископу Исаакію преданіе приписываетъ основаніе монастыря-пустыни на мѣстѣ нынѣшней Печорской Троицкой церкви. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ тѣ времена въ раздѣленіи территоріи нашей губерніи въ церковно-административномъ отношеніи допускалась и терпима была запутанная черезполосица, какъ это видно изъ разныхъ извѣстій. Преподобный Діонисій строитъ (1402 — 1420 г.г.) храмъ на Глушицѣ (къ сѣверу отъ Вологды въ Кадниковскомъ уѣздѣ) по благословенію Ростовскаго Архіепископа, также и Преподобный Григорій Лопотовъ на рѣкѣ Пельшмѣ; а Преп. Павелъ — на Обнорѣ — по благословенію Митрополита Всероссійскаго, такъ что Вологда въ отношеніи церковнаго управленія являлась островомъ Новгородскаго Архіепископа среди Ростовскихъ и митрополичьихъ областей.

Въ подписанномъ Митрополитомъ Фотіемъ завѣщаніи великаго князя Василія Дмитріевича 1423 года, отдано было имъ много волостей, находящихся нынѣ въ Вологодской губерніи, его супругѣ, великой княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ. Великій князь отдалъ ей на Вологдѣ свою куплю Ухтюжку, да Брюховскую слободку, и села знаменитаго боярина Ѳедора Свибла въ Отводномъ и на Сямѣ, и свой примысль и прикупъ на Вологдѣ и на Тошнѣ; за ней утвердился и ся примысль и прикупъ. Нѣкоторыя мѣстности на Тошиѣ были во владѣніи ея троюродныхъ племянниковъ, сыновей князя Владиміра Андреевича. На Устюгѣ великій князь назначалъ своей супругѣ также деревни Ѳедора Свибла да деревни Ивана Головина, да Тутолминское, что прикупилъ посельскій великаго князя Григорій Горбищевъ, а изъ Костромы также, какъ и прежде, великой княгинѣ выдѣлялись Иледамъ и съ Обнорою, и съ Комелою и съ Волочкомъ. Всѣ эти свѣдѣнія имѣютъ не малое значеніе для исторіи землевладѣнія въ нашемъ краю. Великая княгиня во всѣхъ своихъ владѣніяхъ была полною властительницею; назначенные ею «волостели» судили въ

ся волостяхъ на тѣхъ же правахъ, какъ волостели великаго князя въ его волостяхъ; она сама разбираала жалобы крестьянъ на ея волостелей.

Въ самомъ началѣ княженія Василія Васильевича, прозваннаго Темнымъ, возникаетъ въ глуши, среди болотъ, на Пельшмѣ, близъ нынѣшняго уѣзднаго города Кадникова, монастырь препод. Григорія «Лопота» уроженца гор. Галича (Костромскаго). Когда съ 1433 г. началась двадцатилѣтняя (съ перемѣжками) борьба у великаго князя съ его дядею Юріемъ, а потомъ съ сыновьями Юрія — Васи́лемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякою, за великокняжескую власть, то этотъ преподобный дважды выступалъ изъ своего монастыря примирителемъ князей, являясь къ Юрію въ Москву и къ сыну его Димитрію Шемякѣ*) и убѣждая ихъ не нарушать утверждающагося порядка престолонаслѣдія.

Эта борьба двоюродныхъ братьевъ дорого обошлась Вологодскому и Устюгскому краю: въ 1434 году кн. Василій Юрьевичъ Косой, изгнанный изъ Москвы и разбитый подъ Ярославлемъ, убѣжалъ въ Кашинъ и тамъ собравъ кое-какіе отряды, изгономъ (т. е. внезапно) напалъ на Вологду и захватилъ здѣсь четырехъ великокняжескихъ воеводъ.**). Послѣ этого онъ помирился съ великимъ княземъ, получивъ отъ него Дмитровъ, но не надолго; черезъ годъ 14 Ноября 1435 года онъ выступилъ изъ Костромы къ Устюгу, достигъ 6 Декабря Кичменги, а 1 Января напалъ на Устюгъ, гдѣ былъ отъ великаго князя воеводою кн. Глѣбъ Ивановичъ Оболенскій Косой девять недѣль стоялъ подъ городомъ; опустошивъ его окрестности, онъ взялъ потомъ и городъ Гледень «на цѣлованье»; князя Глѣба убилъ;***) повѣсилъ владычнаго десятильника Ісва Булатова и

*) Или върѣе, по соображеніямъ Ключевского, къ брату Шемяки — Василю Косому, въ 1435 г. См. его «древне-русскія житія Святыхъ» М. 1871 г. О событіяхъ нижеизложенныхъ 1446—1452 г.г. см. еще «Исслѣдованіе В. В. Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». Ч. I-я, Спб. 1863 г. стр. 15—26.

**) Федора Михаил. Челядию. Андрей Федор. Голтѣева, Владиміра Андреев. Зворыкина и Михаила Печкина (или Ченечкина).

***) Кн. Глѣбъ былъ похороненъ въ Устюгской соборной церкви.

казнилъ многихъ Устюжанъ. Отъ Устюга онъ пошелъ опять на Вологду и отсюда вернулся въ Кострому. Въ 1438 году Вятчане, бывшіе въ союзѣ съ Галицкими князьями, напали наканунѣ Троицына дня на Устюгъ и сожгли остатки сосѣдняго древняго города Гледена. Потомъ явились враги съ сѣвера: Двиняне въ 1441 году приходили къ Устюгу ратью, но онъ былъ уже укрѣпленъ въ 1439 г. и враги простоявъ одинъ день, ушли прочь; съ юга подходили Казанскіе татары къ Устюгу (въ 1446 г.), въ самую Пасху сдѣлали приетупъ, но были отбиты; тогда они подожгли деревянные городскія укрѣпленія и жители дали имъ окупа «копейщину» болѣе 11 тысячъ. Татары приходили черезъ Кичменгу по рѣкѣ Югу; они не могли увести никого въ плѣнъ, потому что жители получили вѣсть объ ихъ движеніи и укрѣпились по городкамъ.

Въ 1446 году князь Димитрій Шемяка, захвативши великокняжескую власть, назначилъ Вологду въ удѣлъ Василю II Васильевичу, и въ концѣ Сентября мѣсяца послѣдній пріѣхалъ въ Вологду изъ Углича. Немного проживъ здѣсь Василій Васильевичъ поѣхалъ въ Снасо-каменный, потомъ въ Кирилловъ монастырь; тамошній игуменъ Трифонъ благословилъ его на борьбу съ Шемякою, и слѣдствіемъ этой борьбы было бѣгство Шемяки изъ Москвы въ самый день Рождества Христова. Февраля 17, 1447 г. Василій Васильевичъ вернулся въ Москву. Потомъ Шемяка, разбитый подъ Галичемъ, бѣжалъ въ Новгородъ, оттуда на Двину, потомъ на Устюгъ и занялъ Устюгъ 29 Іюня 1450 года. «А Устюжане противъ его щита не держали»; поэтому Шемяка земли не воевалъ и привелъ къ цѣлованію нѣкоторыхъ людей, по тѣхъ, которые не хотѣли измѣнить великому князю и не цѣловали крестъ Шемякѣ, онъ казилъ, велѣвъ бросить ихъ въ р. Сухону съ большими камнями на шеѣ. Въ этомъ же году онъ ходилъ войною на Вологду;*) вернувшись

*) Вѣроятно, къ 1450 году относится преданіе о Бѣлоризцахъ, совершенно неправильно иными относимое къ XVII вѣку. См. о немъ въ книгѣ Степановскаго «Вологодская Старина» стр. 282. Въ Вологодскомъ лѣтописцѣ, сост. въ 1780 г. А. Засѣцкимъ и переизданномъ съ попопленіями Н. Суворовымъ въ 1873 г., событія XIV и XV вѣковъ чрезвычайно перепутаны и необходимо должны были быть провѣрены по Воскресенской, Новгородской и др. лѣтописямъ.

въ Устюгъ, онъ жилъ въ немъ неполныхъ два года, пока великій князь Василій Темный былъ занятъ татарскими дѣлами.

Въ концѣ 1452 года, проведя праздникъ Рождества Христова въ Москвѣ, великій князь отправился на Шемяку. Самъ остановившись у Костромы, онъ отпустилъ своего сына Іоанна съ воеводами (кн. Семен. Иван. Оболенскимъ, Ѳеодор. Басенкомъ и друг.) къ Устюгу и на Кокшенгу. Шемяка, услышавъ о движеніи великокняжескихъ войскъ, убѣжалъ на Двину, оставивъ на Устюгѣ своего намѣстника Ивана Киселева, а сынъ великаго князя, узнавъ о бѣгствѣ Шемяки изъ Устюга, неходя къ этому городу, отъ Горедицны повернулъ на Кокшенгу, взялъ много городковъ на Кокшенгѣ*) избивъ множество Кокшаровъ; оттуда дошелъ до Усть ваги, до «Осинова-Поля», опустошая все на пути, такъ какъ это были Новгородскія волости, а Новгородцы поддерживали Шемяку. Въ слѣдующемъ году Шемяка умеръ и борьба въ семьѣ Московскихъ князей кончилась. Вскорѣ великій князь, заподозрѣвъ почему-то въ опасныхъ замыслахъ брата своей жены, великой княгини, князя Василя Ярославича, участвовавшего въ походѣ на Шемяку заточилъ его въ Угличъ, откуда въ послѣдствіи Іоанномъ III онъ былъ переведенъ въ Вологду и тутъ умеръ въ 1483 г. «въ желѣзѣхъ».

Вятчане въ этихъ междоусобицахъ были на сторонѣ враговъ великаго князя Василя II; поэтому въ 1458 и 1459 годахъ на нихъ были посылаемы вел. княземъ войска; въ походѣ 1459 года участвовали и Устюжане. Вятчане добились челомъ великому князю. Отдаленная Пермь въ это время много страдала отъ нападений дикихъ язычниковъ Вогуловъ. Двумъ Пермскимъ епископамъ Герасиму и его преемнику Питириму, пришлось кончить жизнь мученически отъ этихъ дикарей. Первый былъ удушенъ омофоромъ отъ одного вогула, взятаго епископомъ въ слуги и не отрѣшившагося отъ языческихъ нравовъ. (24 Января неизвѣстнаго года). Второй былъ убитъ (19 Августа) вогульскимъ княземъ Асыкою, когда этотъ князь со своимъ сыномъ

*) Въ А. Юр № 260, I упоминается, что на Кокшенгѣ въ XV в. была пустынь Св. Ѳеодора, гдѣ-то повидимому ниже рѣчекъ Почы и Омелфы, впадающихъ въ Кокшенгу.

Юмшаномъ въ 1455 г. напалъ на Устьвымъ. Оба эти епископа извѣстны участіемъ въ церковныхъ соборахъ, первый — въ 1438 и 1441 г., второй въ 1447 и 1448 г.г. Епископъ Питиримъ въ 1440 году бывшій въ Чудовомъ монастырѣ Архимандритомъ, въ 1447—8 г.г. написалъ, въ бытность свою въ Москвѣ, службу на праздникъ обрѣтенія мощей Св. Алексія митрополита всероссійскаго и краткое житіе этого святителя.*)

Самымъ спокойнымъ уголкомъ Вологодскаго края въ тревожное княженіе Василя Темнаго было Заозерское княжество, на сѣверъ отъ Кубенскаго озера по обѣ стороны р. Кубены. Тогда еще не пролегла большая дорога изъ Вологды на Вельскъ черезъ нынѣшній Кадниковскій уѣздъ; большаго движенія въ этомъ краю не было и край могъ медленно, постепенно развиваться. Въ началѣ княженія Василя Темнаго владѣтельнымъ княземъ Заозерскимъ былъ Димитрій Васильевичъ.**) Онъ со своимъ племянникомъ княземъ Юріемъ Боктужскимъ покровительствовалъ преп. Діонисію, когда послѣдній устраивалъ монастырь на р. Глушицѣ и преп. Александру, основавшему монастырь на р. Куштѣ (въ 1420 г.г.). Князь Димитрій Заозерскій около 1435 года породнился съ княземъ Димитріемъ Шемякою, выдавъ за него свою дочь Софью. Изъ-за этого родства князья Заозерскіе въ 1447 году великимъ княземъ Василиемъ Темнымъ были лишены своихъ вотчинъ; ихъ владѣнія были отданы князьямъ Можайскимъ, двоюроднымъ братьямъ вел. князя Михаилу и Ивану Андреевичамъ. Когда Иванъ Андреевичъ бѣжалъ въ Литву, то его половина Заозерья взята была великимъ княземъ. Одинъ изъ сыновей князя Димитрія Заозерскаго, Андрей, ушелъ въ Спасо-каменный монастырь и, постригшись съ именемъ Іоасафа, кончилъ здѣсь жизнь въ молодыхъ лѣтахъ (между 1453 и 1457 годами); онъ пріобрѣлъ

*) О Пермскихъ и Вологодскихъ епископахъ — см. книгу, составл. Н. Суворовымъ «Историческія свѣдѣнія объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархіи». Вологда, 1865—1868 г.г. Также см. вышеуказанныя книги Г. Лыткина и В. Ключевского.

**) Заозерскіе князья изъ рода Смоленскихъ князей, получившихъ Ярославль и тянувшихъ къ Ярославлю волости по родственнымъ связямъ съ Ростовскими князьями.

извѣстность своею строгою монашескою жизнію и мѣстно почитается святымъ. Въ Спасо-каменномъ монастырѣ игуменомъ былъ тогда (до Апрѣля 1448 года) Кассіанъ, ученикъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, достойный преемникъ Діонисія Святогорца, о которомъ сказано выше.

Подъ руководствомъ этихъ двухъ игуменовъ воспиталось не малое число преподобныхъ мужей. — Діонисій Глушицкій, Григорій «Лопоть» были нѣкоторое время въ числѣ братіи этого монастыря, — изъ него же вышли преп. Пахомій Святолуцкій, возобновитель Николаевского Святолуцкаго монастыря, Александръ Куштскій, Евѳимій Сямжемскій. Насколько велика извѣстность монастыря пр. Діонисія Глушицкаго и насколько вообще покойна была жизнь въ здѣшнемъ краю, видно изъ того, что изъ Устюга и изъ дальней Пермской страны шли сюда отъ тревожной жизни на подвиги поста и молитвы; извѣстны пришельцы пр. Амфилохій (1417 г.) изъ Устюгскаго края, преп. Тарасій (1427) изъ Перми; инокъ Филиппъ, основатель монастыря Рабангскаго; полагалъ начало своимъ подвигамъ въ Глушицкомъ монастырѣ. Изъ завѣщанія Діонисія Глушицкаго видно, что монастырь былъ по тому времени довольно богатъ и книжными сокровищами, и землями. По ходатайству преемника Діонисіева, игумена Амфилохія великій князь Василій Темный въ 1448 году грамотою своею разрѣшилъ принять жильцовъ на пустыя монастырскія земли, только не съ великокняжескихъ земель, и, освободивъ ихъ на 10 лѣтъ отъ платежа разныхъ повинностей, предоставилъ игуменамъ право суда надъ монастырскими людьми, кромѣ дѣлъ объ убійствѣ, разбоѣ и татбѣ съ поличнымъ.*)

Какъ выше было упомянуто, Новгородцы продолжали считать до 1471 г. своими волостями и Вологду и Пермь, хотя в. князь

*) См. подробности въ описаніи Глушицкаго монастыря, сост. Н. Суворовымъ. Вологда. 1876 г. и кн. I. Вѣрюжскаго: Сказанія о жизни Вологодскихъ святыхъ. — Здѣсь, кстати замѣтимъ, что монастырскія грамоты и Глушицкаго и другихъ монастырей почти вовсе не рассмотрѣны со стороны ихъ топографическаго и статистико-экономическаго значенія, между тѣмъ въ нихъ заключается въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ; многія монастырскія грамоты хранятся еще въ рукописяхъ.

Василій Темный, сколько извѣстно, безъ всякихъ договоровъ съ Новгородомъ, отдалъ первую своему сыну Андрею Меньшому. Въ 1435 г. Новгородцы безуспѣшно уговаривались съ в. княземъ выслать взаимно бояръ «для развода земель» на Вологдѣ и въ другихъ спорныхъ областяхъ. Прошелъ назначенный срокомъ межеванія Петровъ день 1436 г., но великій князь и бояръ своихъ не выслать и исправы не учинилъ въ этомъ дѣлѣ, какъ выражается Новгородскій лѣтописецъ.

Кромѣ этого распоряженія о назначеніи Андрею Меньшому Вологды, великій князь Василій Темный въ своемъ завѣщаніи (онъ умеръ 27 Марта 1462 г.) сдѣлалъ еще слѣдующія распредѣленія Вологодскихъ и Устюжскихъ земель между супругой своей и сыновьями. За Юріемъ Васильевичемъ утверждались села, завѣщанныя ему его бабушкой Софьей Витовтовной: Масленскія, Янгосорскія и Говоровскія (всѣ эти села—въ Вологодскомъ уѣздѣ къ юго-западу отъ Вологды), и что къ нимъ потягло. За Борисомъ Васильевичемъ утверждались тѣ села и деревни, которыя ему дала его бабушка со стороны матери—Марія Ѳедоровна Голтяева: Турундаевскія, Позизовное, Ковылинскія, Горка да деревни на Шомѣ. Андрею Васильевичу Меньшому (род. 1452 г.) кромѣ Вологды, великій князь отдавалъ еще Кубену и Заозерье и что къ нимъ потягло и съ поплинами; Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Авнегу, Шиленгу, Пельшму, Вохтюгу, Ухтюжку, Сяму и Отводное съ селами Перфушковскими (этотъ Перфушковъ Григорій былъ бояринъ великокняжескій), Тошню*) и Янгосоръ, со всѣмъ, что къ тѣмъ волостямъ потягло. Своей супругѣ великій князь назначилъ свои села на Устюгѣ къ ея куплѣ къ Левонтьевскому, Пятницкому и Вондокурью,—Дымкову сторону съ деревнями и съ приселками, село Мошемское съ деревнями и приселками; кромѣ того, ей выдѣлялись изъ Андреевой части Иледамъ съ Комелою и Обнорою, а по ея смерти эти три волости должны были возвратиться князю Андрею. Ей предоставлялись дань и судъ въ своихъ

*) См. между прочимъ о Тошнѣ въ статьѣ И. Сахарова: «деньги Московскихъ удѣльныхъ княженій». «Записки отъ Русс. и Славянск. Археологическаго Императорскаго Общества». Археологич. Общ. т. I. Спб. 1851 г. отд. 1. стр. 120.—Тошня входила не надолго въ составъ Угличскаго удѣла.

волостяхъ и селахъ; у нея — свои волостели, и посельскіе, и тіуны, и ключники, и доводчики; а дѣти въ ея судъ не вступаются.*)

Эти свѣдѣнія о селахъ и деревняхъ имѣютъ большое значеніе при искусномъ сопоставленіи ихъ съ писцовыми книгами послѣдующихъ вѣковъ для исторической статистики населенности края и для исторіи постепеннаго развитія земледѣльческой культуры въ нашей губерніи.

Въ княженіе Іоанна III, сына Василя Темнаго, земли разныхъ удѣльныхъ князей, приходившіяся по нынѣшнему дѣленію Имперіи въ предѣлахъ нашей Вологодской губерніи, переходятъ къ великому князю Московскому, который вездѣ вводитъ однообразный московскій порядокъ гражданскаго областнаго управленія. Въ 1463 г. Іоанну III Ярославскіе князья поступились своими вотчинами; черезъ 10 лѣтъ (1474 г.) Ростовскіе князья продали ему же свою отчину, половину Ростова, и Іоаннъ III отдалъ ее своей матери, пока она жива (сконч. въ 1485 г.). Конечно, и тѣ волости Ярославскихъ и Ростовскихъ князей, которыя находились въ Вологодскомъ краѣ, также перешли къ Великому князю. Князь Юрій Васильевичъ завѣщалъ (ум. 1472 г. Сент. 12) свои села на Вологдѣ — брату своему Андрею Меньшому Вологодскому,**) а этотъ послѣдній всѣ свои владѣнія отказывалъ по духовной — великому князю, выдѣливши изъ нихъ немного въ пользу монастырей: Троице-Сергіевскому — 40 деревень въ Сямской волости, Спасо-Преображенскому Каменному — село Отводное и др., Прилуцкому — деревни въ Оларевской волости***) близъ Вологды. Андрей Васильевичъ Меньшой — Вологодскій умеръ въ 1481 году

*) Въ г. Вологдѣ посадская церковь Василя Кесарійскаго получила отъ великаго князя Василя Темнаго и сына его Андрея Меньшаго пожню Дулеповъ наволокъ въ Кубенской волости на рѣчкѣ на Пучкасѣ (около 24 дес.) нынѣ эта пожня принадл. Николаевской Золотокрестенской ц.

**) См. Собр. Госуд. Грам. и Догов. I, №№ 96, 112, 121, 129.

***) Отъ времени князя Андрея Васильевича Вологодскаго сохранилось самое первое извѣстіе о земельныхъ владѣніяхъ Прилуцкаго монастыря, изъ грамоты, данной имъ игумену этого монастыря Геннадію, видно, что, почти черезъ 100 лѣтъ по основаніи монастырь имѣлъ своихъ деревень въ городскомъ стану и въ Оларевѣ слободкѣ — пять сохъ безъ четверти, и съ нихъ платилъ въ казну князя Андрея по пяти рублей въ годъ.

5 іюля. Черезъ годъ Верейскій князь Михайлъ Андреевичъ Можайскій завѣщалъ в. князю Бѣлоозеро со всѣми волостями, путями и селами, и съ пошлинами / Въ 1497 году сыновья Бориса Васильевича всѣ свои Вологодскія села и деревни вымѣняли у вел. князя на другія въ другихъ краяхъ. Къ вышеприведенному надо прибавить еще Новгородскія волости, послѣ уничтоженія въ 1478 г. вѣчеваго управленія въ Новгородѣ, принявшія Московскую администрацію, напр. Вага, Кокшенга, Вель, Тойма и др.

Къ 1500 г. Московскій князь является единымъ верховнымъ главою всѣхъ земель, составляющихъ нынѣ Вологодскую губернію. Въ своемъ завѣщаніи (1504 г.) Іоаннъ III отдаетъ своему сыну Бѣлоозеро, Вологду, Заозерье съ Кубеною, Устюгъ; всѣ эти города и волости съ путями и съ селы и со всѣми пошлинами; Вычегду, Вымь, Удору, Сысолу, Ростовщину въ Заволочѣ, Пинегу, Тойму. Печору, Вагу, Кокшенгу, Вельскій погостъ. Это все области нашего края (см. Собр. Госуд. Гр. и Догов. I, № 144).

Въ частности о городѣ Вологдѣ за время княженія Іоанна III извѣстно еще слѣдующее. Вологда служила мѣстомъ сбора войскъ, которыя отправлялись потомъ воднымъ путемъ по рѣкѣ Сухонѣ на соединеніе съ Устюгскими и Кичменгскими отрядами въ Устюгъ и вверхъ по р. Югу на Кичменгу, далѣе на Вятку противъ Черемисовъ, Казанскихъ татаръ и вверхъ по Камѣ противъ Вогуловъ. Вологжане вмѣстѣ съ Устюжанами и ополченіями другихъ городовъ упоминаются въ походахъ: 1462 г. на Черемису (съ воеводами Борисомъ Кожновымъ и Борисомъ Слѣпымъ), 1468 — 1469 на Казань (воеводою съ Вологды отъ князя Андрея Васильевича былъ Семенъ Пѣшковъ Сабуровъ), 1483 — на Вогуловъ, 1489 г. на Вятку и 1499 — 1500 на Югру. Хотя объ укрѣпленіи Вологды нѣтъ лѣтописныхъ записей до 1536 года, когда она была, «распространена,» но по нѣкоторымъ извѣстіямъ можно предполагать, что она уже при Іоаннѣ III была не безъ укрѣпленій. Герберштейнъ, собравшій во время двукратнаго своего пребыванія въ Москвѣ (въ 1517 и 1526 г.г.) довольно точныя свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ, называетъ Вологду —

крѣпостью, въ которой великій князь хранить часть своихъ сокровищъ. Это послѣднее извѣстіе подтверждается и русскими лѣтописями. Напр. когда въ 1498 г. одинъ великокняжескій дьякъ составилъ было заговоръ въ пользу сына великаго князя Іоанна III отъ Софіи Палеологъ противъ внука великаго князя Димитрія, то предлагаетъ молодому князю Василю Ивановичу уйти въ Вологду и захватить здѣсь и на Бѣлоозерѣ государеву казну; потомъ въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ III упоминаетъ о своей казнѣ, хранящейся, между прочимъ, въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ. На нѣкоторую тогдашнюю важность Вологды указываетъ и то, что Вологодскія церкви были выдѣлены изъ вѣдомства Московскаго Митрополита Зосимы и Новгородскаго архіепископа Геннадія въ 1492 году повелѣніемъ великаго князя и отданы Пермскому епископу Филоею, чрезвычайно выдававшемуся своею дѣятельностью среди современныхъ ему архіереевъ.

Вологда была также мѣстомъ заточенія знатныхъ плѣнниковъ, гдѣ можно было ихъ «поить и кормить довольно», какъ это выражено напр. о князѣ Константинѣ Ивановичѣ Острожскомъ, взятомъ въ плѣнъ въ 1500 году 14 іюля вмѣстѣ съ другими польскими панами и «въ оковахъ» сосланномъ въ Вологду. Великій князь велѣлъ держать его «не нужно» (т. е. не стѣснять его) и выдавать ему по 4 алтына на день, тогда какъ другимъ плѣнникамъ по полу-деньгѣ. Ранѣе этого въ Вологду были сосланы въ 1480 г. братья крымскаго хана Айдаръ, который содержался съ немалымъ убыткомъ для великокняжеской казны (какъ писалъ Іоаннъ III въ 1483 г. Менгли-Гирею), и въ 1487 г. плѣнный царь Казанскій Алегамъ съ двумя женами.*) Алегамъ въ ссылкѣ и умеръ.

Вообще Вологда была въ концѣ XV вѣка настолько извѣстна, что польскій лѣтописецъ Матвѣй Мѣховскій, составившій около 1517 года описаніе Восточной Европы, изъ всѣхъ рѣкъ бассейна Сѣвернаго океана упоминаетъ только объ одной рѣкѣ Вологдѣ.

*) О царевичѣ Айдарѣ (или Хайдерѣ) см. ст. 131 указаннаго выше изслѣдованія Вельяминова-Зернова, а о царѣ Алегамѣ (или Ильгамѣ) см. 160, 169 и слѣд. тогоже изслѣдованія.

Монастыри Вологодскіе: Спасо — каменный, Прилуцкій, Глушицкій, богатѣли, получая различныя немалыя денежныя и земельныя пожертвованія. Въ числѣ жертвователей въ Спасо — каменный монастырь, кромѣ великаго князя Василія II Темнаго, были его супруга великая княгиня Марья Ярославна, князь Иванъ Борисовичъ Волоцкій, Ярославскіе князья Александръ Ѳеодоровичъ, Даніилъ Александровичъ Пѣньковъ, Вологодскій князь Андрей Васильевичъ Меньшой, устроивавшій каменный храмъ Преображенія Господня, кирпичъ для котораго возили изъ Тверскаго города Старицы. Также и Глушицкій и Прилуцкій монастыри стали выдѣляться своимъ благоустройствомъ.*)

Сохранилось нѣсколько свѣдѣній о состояніи образованности въ этихъ монастыряхъ. Игуменъ Прилуцкаго монастыря Макарій написалъ (во второй половинѣ XV в.) житіе основателя этого монастыря, преп. Димитрія. Составъ житія показываетъ, что Макарію были извѣстны Епифаніевское житіе Св. Стефана Пермскаго, Пахоміевское житіе препод. Сергія Радонежскаго, житіе Св. Стефана Сурожскаго. Монахъ Прилуцкаго монастыря Логгинъ (въ половинѣ XVI в.) написалъ краткую повѣсть о жизни князя — инока Игнатія Прилуцкаго, племянника великаго князя Іоанна III.

Въ Спасо — каменномъ монастырѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, полагалъ начало своей дѣятельности извѣстный игуменъ Троицкій Паисій Ярославовъ, составленное которымъ немаловажное „сказаніе о Каменномъ монастырѣ“ показываетъ, что въ этомъ монастырѣ очень давно вели лѣтопись своей обители. Также и въ Глушицкомъ монастырѣ велась монастырская лѣтопись, и ею пользовался Паисій Ярославовъ; одинъ изъ Глушицкихъ иноковъ (въ концѣ XV в.) написалъ превосходное (по выраженію проф. Ключевскаго), сравнительно съ другими подобными, житіе Діонисія Глушицкаго, въ которомъ очень полно изображены развитіе и значеніе Покровскаго Глушицкаго монастыря. Въ то же время, и по видимому, тѣмъ же

*) См. Собр. Государ. Гр. и Договор. I, №№ 112, 132, и описаніе этихъ монастырей.

авторомъ составлено житіе преп. Григорія Пельшемскаго. Въ XVI вѣкѣ въ Павловѣ монастырѣ на Обнорѣ составлены иноками житія преп. Павла Обнорскаго, Авраамія Галическаго. Всѣ эти монастыри настолько были извѣстны своимъ благоустройствомъ, что нѣкоторые игумены ихъ были избираемы въ епископовъ разныхъ епархій. Игуменъ Спасо—каменнаго монастыря Діонисій Грскъ въ 1418 году (12 Іюля) возведенъ во епископа Ростовскаго, игуменъ Глушицкаго монастыря Никонъ въ 1502 г. (5 Мая) поставленъ во епископа Пермскаго; игуменъ Павлова монастыря, въ то время называвшагося пустынею, Никонъ въ 1502 же году (1 Мая) былъ назначенъ епископомъ Коломенскимъ. *)

Въ Устюгѣ, или гдѣ то въ предѣлахъ Устюгскихъ, издавна велась лѣтопись, нынѣ извѣстная между историками подъ именемъ Архангелогородскаго лѣтописца (издана въ Москвѣ въ 1781 году). Въ ней довольно подробно записаны событія за все княженіе Іоанна III, въ которыхъ участвовали Устюжане или которыя имѣли отношеніе къ Устюгу и близкой къ нему Перми.

Въ 1462 году Устюжане воевали съ Черемисами, которые приходили въ Устюжскій уѣздъ на верхъ рѣки Юга съ Казанскими татарами; устюжане погнались за ними и отбили у татаръ всѣхъ плѣнниковъ. Въ 1465 году устюжанинъ Василій Скрыба съ охочими людьми и съ какимъ то Вымскимъ княземъ Василиемъ Ермо-мочемъ, который велъ Вымичей и Вычегжанъ, по приказанію вел. князя, воевалъ югорскую землю и привелъ въ Москву плѣнными югорскихъ князей, за что былъ награжденъ государемъ. Въ слѣдующемъ году мимо Устюга проходили Вятчане на Кокшенгу; подкупивъ намѣстника Устюгскаго Василя Сабурова, они прошли и назадъ въ Вятку безпрепятственно. Часто происходили у устюжанъ мелкія столкновенія съ казанскими татарами (въ 1476, 1478 г.г.), которые подстрекали и Черемисовъ къ нападенію на русскія области. Въ 1468 г. татары раззорили и сожгли городокъ Кичменгу и съ

*) См. сочиненіе Ключевскаго, выше указанное.

людьми. Въ слѣдующіе три года, по распоряженію в. князя, были сдѣланы большіе походы на Казань, въ которыхъ Устюжане отличились большою храбростію и получили отъ вел. князя награды (Архангелогород. лѣтопис. подъ 6977 годомъ). Черезъ 10 лѣтъ Казанскій царь Ибрагимъ пытался было отомстить Устюжанамъ за ихъ походы, но разлившаяся рѣка Молома воспрепятствовала ему дойти до Устюга.

Кромѣ того, Устюгскіе отряды участвовали въ войнѣ в. князя съ Новгородомъ въ 1471 году подъ начальствомъ Василія Ѳеодоровича Образца, въ 1499—1500 г.г. въ походѣ князя Петра Ушатого на Югру; въ 1488 году два воеводы стояли на Устюгѣ, оберегая его отъ Вятчанъ, а въ слѣдующемъ году кн. Иванъ Звенецъ водилъ Устюгскіе отряды на Вятку, которую ему и другимъ, посланнымъ въ одно время съ нимъ, воеводамъ и удалось привести подъ власть великаго князя. *)

Сосѣдняя съ Устюгомъ Пермская епархія къ концу XV вѣка расширилась до очень большихъ размѣровъ; покрайней мѣрѣ, вліяніе Пермскаго епископа простиралось на прі — уральскихъ инородцевъ даже до р. Оби и на югъ едва-ли не до Казани. Въ 1462 (или 1463) году епископъ Іона крестилъ Великую Пермь, т. е. жителей верховьевъ р. Камы. Дѣйствія этого епископа по утверженію православія въ Великой Перми вызвали, повидимому, большое опасеніе въ Вогулахъ и Остякахъ за свою независимость; нападенія этихъ дикарей вызвали отпоръ со стороны Пермичей и Вятичей; въ 1467 году они сдѣлали походъ на Вогуловъ и вогульскій князь Асыка приведенъ былъ плѣннымъ въ Вятку. Черезъ нѣсколько времени почему то и великопермскій князь Михаилъ, какъ видно по его имени уже крестившійся, обнаружилъ нѣкоторое „неисправленіе“ Московскому Государю; въ 1472 году кн. Ѳеодоръ Давыдовичъ

*) О другихъ событіяхъ, касающихся внутренней жизни Устюга, и подробности о вышерасказанномъ можно читать въ устюгскомъ лѣтописцѣ, изданномъ Н. Суворовымъ въ 1874 г. и А. Титовымъ въ 1889 г., или въ сборникѣ И. Степановскаго, „Вологодская старина“, изд. въ 1890 году.

Пестрый, по приказанію Іоанна III, двинулся въ Великую Пермь съ войскомъ и привелъ всю эту землю за великаго князя; князь Михаилъ былъ присланъ имъ въ Москву, но Государемъ отпущенъ обратно. Во время этихъ событій епископъ Іона въ 1470 году скончался и 8 (или 2) Ноября 1471 года былъ поставленъ на его мѣсто Филоеѣй, игуменъ Оерапонтова монастыря. Выборъ Филоеѣя былъ очень удаченъ. Объ немъ сохранились такія извѣстія, которыя показываютъ, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла не только церковныя, но и государственныя. Онъ былъ (въ 1474 г.) въ числѣ ходатаевъ о помилованіи князя Данила Холмскаго, оказавшаго большія услуги государству, но чѣмъ то навлекшаго на себя гнѣвъ государя. Онъ же передъ войною съ Сахайскимъ ханомъ въ 1480 году былъ, съ нѣкоторыми другими духовными лицами, примирителемъ братьевъ государя Андрея Углицкаго и Бориса Волоцкаго, съ государемъ, для чего ѣздилъ въ Великія Луки. Его печалованіемъ предъ государемъ освобождены были изъ плѣна Югорскіе князья (взяты въ плѣнъ въ 1483 г.), и приняты въ милость государя сынъ Асыки Вогульскій князь Юмшанъ. Понятно то впечатлѣніе, какое произведено было на Югру и Вогуловъ этимъ печалованіемъ Филоеѣя. *) Участиѣ Филоеѣя въ церковныхъ соборахъ противъ жидовствующихъ было очень значительно. Вѣроятно, цѣна его дѣятельность, великій князь утвердилъ (въ 1490 г.) за Пермскою епископскою каедрою земли по Вычегдѣ, и по всей вычегодской землѣ, и въ Устьвымскомъ городкѣ, деревни и пустоши и всякія угодья. Ему соборъ 1492 года поручилъ провѣрить составленную Новгородскимъ Архіепископомъ Геннадіемъ пасхалію на 20 лѣтъ. Онъ участвовалъ въ соборномъ избраніи преемника митрополиту Зосимѣ — Симона (изъ троицкихъ игуменовъ, въ 1495 г.) объ немъ положительно извѣстно, что онъ зналъ Пермскія письма, изобрѣтенныя Св. Стефаномъ, чего не знаемъ ни о какомъ другомъ преемникѣ Св. Стефана. Онъ повелѣлъ тогдашнему писателю житій святыхъ, сербу Пахомію, написать канонъ Св. Стефану Пермскому.

*) Подробности о событіяхъ 1483—1484 г.г.—у Карамзина VI, пр. 461. Также въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ.

Его проповѣдническую дѣятельность засвидѣтельствовалъ Митрополитъ Симонъ въ своихъ посланіяхъ къ Пермскому народу и духовенству, но доселѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстно ни одно учительное посланіе Филовея къ паствѣ. Вспомнимъ еще, что при немъ, Филовеѣ, а не при какомъ другомъ епископѣ, въ 1492 году отписаны Вологодскія церкви отъ Новгородской епархіи къ Пермской.— Утомленный 30-ти лѣтними трудами, епископъ Филовей рѣшился уйти на покой въ Кирилловъ монастырь въ Апрѣлѣ 1501 года.

Иванъ Суворовъ.

